

указаны некоторые из непосредственных источников, использованных Владимиром Мономахом,¹⁵ и эти исследования должны быть использованы при анализе, ибо благодаря им мы еще легче можем установить то, что является действительно оригинальным в этом замечательном произведении древнерусской литературы.

В качестве памятника «светской литературы» профессор Пиккио привел «Повесть временных лет» и посвятил ее анализу несколько страниц. Даны хорошие и точные сведения о составе и возникновении памятника, затронут вопрос о разных его элементах (документы дохристианского времени, например, договоры с Византией 911 и 944 г., отзвуки устной народной поэзии, хроника Георгия Амартола); при этом автор заключает, что «Повесть временных лет» нужно оценивать в «ее единстве и целостной самобытности и читать как роман, не заботясь слишком много о ее толковании» (*senza eccessive preoccupazioni esegetiche*), т. е. не увлекаясь чрезмерно изысканием ее первоисточников и заимствований. Изложены важнейшие эпизоды из летописи, в пересказе или в цитатах, данных в переводе. Кое-где изложение, быть может, выиграло бы с точки зрения ясности, если бы были даны более точные объяснения (например, термина «обри» как наименования аваров). Говоря о «Повести временных лет» как произведении древнерусской литературы, можно было бы, на мой взгляд, подчеркнуть широкое распространение этого жанра во всей древнерусской литературе. По богатству историографических памятников древнерусская литература очень близка к византийской литературе и соперничает с ней. И уж во всяком случае следовало бы отметить, что именно в этом литературном жанре особенно отчетливо выражено стремление к утверждению национальной самобытности Руси.

Вторая часть книги профессора Пиккио посвящена «местным литературам» в XII—XIV вв. Свыше ста страниц отведены рассмотрению произведений этих литератур. Автор собрал и обобщил очень богатый и, несомненно, интересный материал. Пиккио подчеркивает, что «не многим более чем за сто лет, начиная с эпохи Ярослава Мудрого и до середины XII в., киевская культура выработала основы литературного стиля, которому было суждено сохраниться в последующие эпохи» (стр. 93). Но это происходит при таких условиях, когда историческая преемственность часто скрывается за местными традициями, которые противопоставляются традициям «матери русских городов». Упомянуты междоусобная борьба и наступившее разделение Русской земли, упадок Киева, сохранение созданного в киевскую эпоху литературного стиля, когда «стилизация составляет одновременно и силу и слабость литературной деятельности» (стр. 94). Переходя к анализу отдельных произведений, Пиккио уделяет десяток страниц «Слову о полку Игореве», дополняя «эпopeю Игоря Святославовича» по рассказам древнерусских летописей. Из сказанного автором в связи с этим памятником следует упомянуть его утверждение о подлинности «Слова». Изложив суть спора между учеными, считающими памят-

886) его сыну Льву, будущему императору Льву VI (886—912), включены — через посредство *Анналов Цезаря Барония* — и в «Историю славяно-болгарскую» святогорского монаха Паисия Хиландарского; текст см. в издании Я. Иванова «История славяно-болгарская, собрана и нарезана Паисием иеромонахом» (София, 1914, стр. 3—4); ср.: В. Велчев. Отец Паисий Хиландарский и Цезарь Бароний. София, 1943, стр. 22—35; R. Picchio. La «Istoriia slavenobolgarskaja», стр. 109 и сл.; Gli Annali, стр. 223 и сл.

¹⁵ Ср.: A. Vaillant. Une source grecque de Vladimir Monomaque. — Byzantinoslavica, t. X, № 1. Praha, 1949, стр. 11—15. Этот автор в качестве использованного первоисточника для одного пассажа из поучения указывает на место в жизнеописании Василия Великого, составленное псевдо-Амфилохием Иконийским.